

У. Еннерстен еще раз подчеркнул уникальность выбранного под резерват края, сообщил об основных задачах этой охраняемой территории (охрана флоры и фауны, рациональное использование природных ресурсов). Ученый напомнил о необходимости проведения намеченных природоохранных мероприятий в соответствии с интересами коренного населения без нарушения их образа жизни и традиционной деятельности. По итогам рабочей встречи-симпозиума в Чокурдах ее участники выразили поддержку решению об организации ресурсного резервата «Кыталык»⁵³⁸.

Резерват был создан в августе 1996 г. при финансовой поддержке WWF-Германия, как отмечалось в соответствующем постановлении правительства республики: «для охраны и воспроизводства якутской популяции сибирского журавля-стерха, охраны мест временных скоплений и транзитных остановок, нагула и пастбищ мигрирующих животных – полупроходных рыб, перелетных птиц, кочующего дикого северного оленя, сохранения высокопродуктивных водно-болотных угодий, захоронений мамонтовой фауны, палеолитических стоянок древнего человека»⁵³⁹.

Таким образом, в 90-е гг. XX столетия в арктических районах Якутии при значительной поддержке WWF был принят целый комплекс международных мер по организации и проведению мониторинга биологического разнообразия и охране окружающей среды, самым ярким примером чему служат создание международной биологической станции «Лена-Норденшельд» в дельте реки Лена и ресурсного резервата «Кыталык» в Яно-Индигирском междуречье.

Н.В. Суржикова
Екатеринбург

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ В УРАЛЬСКОЙ ДЕРЕВНЕ: БИТВА ЗА ПЛЕННЫХ⁵⁴⁰

Одним из последствий I Мировой войны стали невиданные доселе масштабы пленения вражеских военнослужащих, а следом и их массовое вовлечение в трудовые процессы. В пределах горнозаводской цивилизации, каковой являлся Уральский регион, при распределении

---

⁵³⁸ Тексты выступлений В.В. Никифорова, У. Еннерстен, Ю. Канаи и др. на рабочей встрече-симпозиуме участников международных программ по редким и исчезающим птицам и экологическим проблемам Севера Якутии, Чокурдах, 22 июля 1996 г. опубликованы в работе С.Н. Горюхова «Кыталык (ресурсный резерват действует)» ... – С. 9 – 16.

⁵³⁹ Постановление Правительства РС(Я) от 12.08.1996 № 337 «О создании Национального природного парка «Синигэ» в Горном улусе и ресурсных резерватах Кыталык в Алдановском и «Лена-Дельта» в Булунском улусах» // Право Российской Федерации. URL: <http://www.bestpravo.ru/yakut/data/04/tex16273.htm> (дата обращения: 20.05.2008).

⁵⁴⁰ Работа подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 11-11-66-007а/У.

пленных между хозяйствующими субъектами вопроса о том, кто будет главным потребителем трудовых ресурсов, не стояло. Уже к лету 1915 г. военнопленные были выделены едва ли не всем горно-металлургическим предприятиям края и к концу 1915 г., по данным Центрального военно-промышленного комитета и Совета Съездов горнопромышленников Урала, их численность приблизилась к показателю в 25 тыс. чел. К лету 1916 г. статистика пленнх, занятых в горнозаводской промышленности, значительно подросла, достигнув более чем 50 тыс. чел., а в следующем 1917 г. преодолела планку в 60 тыс. чел.⁵⁴¹

Не следует, однако, забывать, что основную часть населения Урала, как и России в целом, составляло население сельское, занятое простым крестьянским трудом. Горнозаводские районы Уральского региона перемежались аграрными районами, значительная часть мужского населения которых была призвана в армию и которые в этой связи испытывали нехватку рабочих рук. Известно, к примеру, что Ирбитский уезд, один из основных «хлебных» уездов Пермской губернии, с началом войны лишился 40 % работоспособного мужского населения. Учитывая, что посевная 1915 г. обнаружила в целом ряде случаев, зафиксированных, в частности, в Кунгурском, Камышловском, Верхотурском, Оханском и Пермском уездах, нежелание сельчан помогать семьям призванных в «обсемени полей», перспектива приобщения пленнх к крестьянскому труду не могла не превратиться в реальность⁵⁴².

В марте 1915 г. при Пермской земской управе состоялось особое совещание по вопросу об условиях применения труда военнопленнх на сельскохозяйственных работах, а затем и заседание губернского собрания 52 чрезвычайной сессии, установившие, что потребность в работниках на селе исчисляется 6807 военнопленными⁵⁴³.

Эта цифра могла быть и больше, но некоторые солдатки отказались от «услуг» военнопленнх, так как их мужья в письмах с фронта высказывались решительно «против того, чтобы их «заключать и коварный» враг был размещен в домах их осиротевших семейств»⁵⁴⁴. Некоторые крестьяне просто боялись, как, например, жители деревни Верхняя Чермода Осинского уезда, что пленные «всех нас здесь погубят, перебьют, сожгут наши дома, а потом и скроются»⁵⁴⁵. Чердынское земство воздержалось от приглашения военнослужащих врага на полевые работы, указывая на то, «что производительность труда военнопленнх подлежит

---

⁵⁴¹ Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. 50. Оп. 2. Д. 3184. Л. 322–324; ф. 123. Оп. 1. Д. 3. Л. 445 об.; Доклад Совета XXI Очередному Съезду Горнопромышленников Урала о деятельности Совета Съездов за 1915 год. Б/м, б/г. С. 31; Уральская жизнь. 1916. 24 мая.

⁵⁴² Пермская земская неделя. 1915. 12 апр., 24 мая; 1916. 17 апр.

⁵⁴³ Зауральский край. 1915. 12 марта, 16 апр.

⁵⁴⁴ Там же. 21 мая.

⁵⁴⁵ Пермская земская неделя. 1916. 12 июня.

большому сомнению», да и «наличные условия отпуска военнопленных на сельскохозяйственные работы для земства неприемлемы»⁵⁴⁶.

Вместе с тем, перспектива недосева заставила большинство земств Пермской губернии высказаться за приглашение военнопленных уже в апреле 1915 г. Однако участие пленных в весенней посевной кампании 1915 г. не гарантировало 100% результата в ликвидации обозначившейся угрозы. «Горячая пора весеннего посева прошла в общем по губернии весьма благоприятно», — успокаивала читателей «Пермская земская неделя» 17 июля 1915 г., отмечая при этом, что в 5 % отчетов волостных попечителей нашли отражение факты незасева по той или иной волости до 50 дес. земли, в 4 % — до 100 дес., в 1 % — до 200 дес.⁵⁴⁷

Осенью 1915 г. по Уралу предстояло убрать 4 млн. дес. пашни и сенокоса, или не менее 8 дес. на работника. В таких условиях даже те селяне, которые относились к идее использования пленных в деревне весьма скептически, были вынуждены прибегнуть к их помощи. При этом земства Пермской губернии, по-разному оценивая эффективность системы найма и результаты труда военнопленных, уже не представляли себе полевых работ без них.

Оханская уездная земская управа в то время отмечала: «Работа пленных была среднего качества, особенно в начале, когда пленные не приспособились еще вообще к сельскохозяйственному труду, а в частности к жнитву; но с течением времени большинство из них, в особенности славяне, работали удовлетворительно, и крестьяне, за немногими исключениями, работой их остались довольны, а некоторые хозяйства даже позаимствовали от них незнакомые в наших краях приемы уборки, как, например, косьбу»⁵⁴⁸.

Даже земские власти Осинского уезда, констатируя, что производительность труда пленных на уборке урожая была «вдвое и более меньше нормальной для данной местности», признавали факт их исключительной полезности. Благодаря пленным удалось, в частности, обойтись без уборочных машин, использование которых из-за дороговизны шпагата привело бы к значительным материальным издержкам. Помимо того, пленными за время их пребывания на ферме земства с 14 мая по 24 сентября 1915 г. были отремонтированы постройки скотного двора, устроены полы ледника, водяного бака, сырного подвала, расчищен от леса участок земли под озимые, который, по замыслу земства, в будущем году надлежало расширить «трудом же военнопленных»⁵⁴⁹.

---

⁵⁴⁶ Журналы Чердынского уездного земского собрания 43 чрезвычайной и 46 очередной сессий и доклады управы сим собраниям 1915 года. Пермь, 1916. С. 22, 30.

⁵⁴⁷ Пермская земская неделя. 1915. 17 июля.

⁵⁴⁸ Там же. 12 марта

⁵⁴⁹ Там же. 27 марта

В конце 1915 г., когда пленные были «предложены» и для зимних крестьянских работ, отказываться от их «услуг» селяне не спешили⁵⁵⁰. Больше того, заявки на пленных к тому времени оперировали уже тысячами человек. Только трем из двенадцати уездов губернии — Екатеринбургскому, Верхотурскому и Оханскому — для благополучного исхода посевной требовалось от 3,7 до 5,8 тыс. работников⁵⁵¹. Местные власти подсчитали, что «в случае непринятия надлежащих и разумных мер Пермскую губернию ожидает «недосбор» хлебов приблизительно в 20 млн пуд.»⁵⁵². Проблема, правда, состояла в том, что «за исчерпанием всего наличного состава военнопленных» принимать меры к их изысканию было поздно.

6 марта 1916 г. в г. Перми при участии губернатора состоялось совещание о распределении свободных от работ военнопленных, каких по городам и весям края набралось 6942 чел. и каковых было явно недостаточно⁵⁵³. Екатеринбургское земство, получив из указанного числа 350 военнопленных к уже имевшимся в уезде 390 чел., подсчитало, что на его территории недосев угрожает 32 волостям⁵⁵⁴. Так к середине 1916 г. военнопленные, чья интеграция в производственные процессы должна была иммунизировать в том числе и аграрный сектор экономики от нехватки людских ресурсов, сами превратились в труднодоступный «дефицит». Разрешение военных властей перебросить в деревню занятых на общественных работах земств и городов военнопленных, число которых в Пермской губернии на 1 мая 1916 г. равнялось 913 чел., сельхозпроизводителей не утешило⁵⁵⁵.

В селах и деревнях края царило уныние. Некто Иваникс из с. Бродокалмакского Шадринского уезда корреспондировал в начале июня 1916 г. в редакцию газеты «Зауральский край»: «Ходатайство местного сельскохозяйственного общества об отпуске военнопленных Шадринским земством отклонено, и население осталось без работников — пленных... Площадь посевов яровых хлебов в текущем году очень значительно сократилась. Особенно это заметно в хозяйствах, где все мужчины мобилизованы (а таких семейств немало). Недосев в таких хозяйствах выражается от 40 до 60 %»⁵⁵⁶. Другой аноним подтверждал безрадостность сложившегося в уральской деревне положения. «Безлюдье всюду полное, — писал он, — Военнопленных не хватает. По крайней мере, несмотря на громадное количество пленных, захвачен-

---

⁵⁵⁰ Там же. 13 дек.

⁵⁵¹ Зауральский край. 1916. 18 февр.; Пермская земская неделя. 1916. 12, 20 марта, 3 апр.

⁵⁵² Пермские губернские ведомости. 1916. 29 марта.

⁵⁵³ Зауральский край. 1916. 11 марта.

⁵⁵⁴ Там же. 1916. 18 февр.; 11 марта.

⁵⁵⁵ Уральская жизнь. 1916. 24 мая.

⁵⁵⁶ Зауральский край. 1916. 8 июня.

ных генералом Брусиловым в последних боях, их на сельскохозяйственные работы поступает очень мало»⁵⁵⁷.

Ссылаясь на лишь частичное удовлетворение поданных весной запросов, аграрии Урала еще до начала сенокоса и осенних полевых работ заявили о своих надеждах на получение новых партий военнопленных⁵⁵⁸. Камышловским, Оханским, Шадринским и прочими земствами соответствующие ходатайства были поданы в губернскую управу уже в июне 1916 г. Губернская земская управа рассмотрела их только в заседании 26 июля 1916 г., постановив просить для Пермского, Красноуфимского, Осинского, Оханского, Верхотурского, Ирбитского и Кунгурского уездов по 1 тыс. чел., Камышловского — 2 тыс. чел, Шадринского и Екатеринбургского — 500 чел., Чердынского и Соликамского — 200 чел. на каждый. «Путешествие» консолидированной заявки на 10 тыс. военнопленных по ответственному за распределение пленных ведомствам началось еще позднее, в августе 1916 г.⁵⁵⁹ Нерасторопность губернских властей обнаружила свои печальные последствия через пару недель, когда выяснилось, что распределение всех свободных пленнх на работы уже состоялось.

Как результат в 1916 г. средний посев на одно хозяйство Пермской губернии по сравнению с предвоенным уровнем сократился на 19,2 %, а площадь возделываемых земель на 8,5 %⁵⁶⁰. К концу осеннего сева всезнающие газетчики подсчитали, что недосев озимых полей по России в целом в 1916 г. составил 2840 тыс. дес., и при среднем урожае ржи и пшеницы в 50 пуд. с десятины это грозило недобором 142 млн пуд. зерна. В сумме с недобором яровых общая цифра потерь должна была приблизиться к 300 млн пуд. зерна⁵⁶¹. Несмотря на то, что Министерство земледелия располагало 150 тыс. беженцев⁵⁶² и самым крупным контингентом пленнх иностранцев в более чем 640 тыс. чел. (почти в два раза больше, чем вместе взятые Министерство путей сообщения и Министерство торговли и промышленности), по стране было собрано, по разным оценкам, на 461 — 843 млн пуд. зерна меньше, нежели в 1915 г.⁵⁶³

Мириться с такими потерями село не хотело и, не откладывая в долгий ящик, уже в конце 1916 г. приступило к действиям по их воз-

---

⁵⁵⁷ Пермская земская неделя. 1916. 31 июля.

⁵⁵⁸ Там же. 1916. 26 июня; Уральская жизнь. 1916. 26 июня.

⁵⁵⁹ Пермская земская неделя. 1916. 14 авг.; Систематический свод постановлений Пермского губернского земского собрания 46 очередной и 53, 54, 55, 56 и 57 чрезвычайных сессий 1915—1916 гг. Пермь, 1916. С. 230.

⁵⁶⁰ История Урала в период капитализма. М., 1990. С. 359.

⁵⁶¹ Пермская земская неделя. 1916. 25 сент.

⁵⁶² Там же. 10 июля.

⁵⁶³ Анфимов А.М. Российская деревня в годы первой мировой войны (1914 — февраль 1917 гг.). М., 1962. С. 95, 293; Бескровный Л.Г. Указ. соч. С. 154; Китатана Т.М. Война, хлеб и революция. Л., 1985. С. 21; Погорелкин А.П. Сельское хозяйство и продовольственный вопрос в России в годы Первой мировой войны // Исторические записки. 1950. Т. 31. С. 44; Храмов А.П. Экономическое развитие России в XIX — XX веках. М., 1950. С. 416.

мещению. Конец 1916 г. и начало 1917 г. прошло под знаком бескомпромиссной борьбы уральских аграриев за «обладание» пленными иностранцами. Крестьяне Верхотурского уезда, к примеру, обозначили свои претензии на тысячу пленных для весенних полевых работ уже 24 ноября 1916 г.⁵⁶⁴ В январе заявку на отпуск 3 тыс. чел. для предстоящего весеннего сева подала Екатеринбургская уездная управа. В то же время ходатайство о 10 тыс. чел. возбудило Ирбитское земство. 8 февраля к числу просителей присоединилось Шадринское земство, заявившее о своей потребности в 1,2 тыс. военнопленных⁵⁶⁵.

Косвенные данные позволяют уверенно утверждать, что проблема насыщения аграрной отрасли рабочими руками оставалась актуальной вплоть до конца 1917 г. Ее остроту отразило, в частности, отданное пермским губернатором в начале февраля 1917 г. распоряжение о передаче на сельскохозяйственные работы всех военнопленных, находившихся доселе в услужении у частных лиц в качестве кучеров, дворников, шоферов, приказчиков и пр.⁵⁶⁶ В марте 1917 г. поступило указание, обязавшее городские и уездные самоуправления к 1 апреля «во всех лечебных заведениях освободить от обязанностей санитаров и служителей военнопленных и передать их в распоряжение воинских властей для распределения их на сельскохозяйственные работы»⁵⁶⁷. В то же время на общероссийском уровне было принято решение о привлечении ослабленных военнопленных к работам, «каковые не требуют большого напряжения физических сил», а именно к уходу за домашним скотом⁵⁶⁸.

Несмотря на то, что потери Пермской губернии в трудоспособном мужском населении по сравнению с общенациональными были заметно меньше (36,8 % против 47,4 %)⁵⁶⁹, к лету 1917 г. пятая часть крестьянских хозяйств края осталась без мужчин рабочего возраста⁵⁷⁰. В этих условиях пермский губернский комиссар Временного правительства предложил губернской продовольственной управе спешно принять меры к использованию на полевых работах военнопленных, освобождающихся на заводах или занятых на разного рода заготовках, как будто она, управа, обладала полномочиями на перераспределение рабочих рук между различными отраслями местного хозяйства⁵⁷¹. Ведомство же, которое могло повлиять на решение этого вопроса, откликнулось на

---

⁵⁶⁴ Журналы Верхотурского уездного земского собрания 47 внеочередной сессии 1916 г. Нижний Тагил, 1917. С. 86.

⁵⁶⁵ Уральская жизнь. 1917. 27, 29 янв., 18 февр.

⁵⁶⁶ Зауральский край. 1917. 5 февр.

⁵⁶⁷ Уральская жизнь. 1917. 2 марта.

⁵⁶⁸ Пермская земская неделя. 1917. 15 марта.

⁵⁶⁹ Россия в мировой войне 1914–1918 года (в цифрах). М., 1925. С. 21.

⁵⁷⁰ История Урала в период капитализма... С. 359.

⁵⁷¹ Продовольственная безопасность Урала в XX веке. Док. и материалы. Т. 1. Екатеринбург, 2000. С. 247.

нужды села, когда осенние сев и уборка уже шли полным ходом. Лишь в августе 1917 г. штаб Казанского военного округа потребовал от уездных воинских начальников отправить всех еще не распределенных между предприятиями военнопленных, вплоть до специалистов, на сельскохозяйственные работы «ввиду грозящей опасности недостатка рабочих рук и оставления необранным урожая»⁵⁷².

Это решение военных властей было принято на фоне прогрессирующего продовольственного кризиса, который заставил ряд промышленных предприятий края отказаться от использования пленных, так как их стало попросту нечем кормить⁵⁷³. Но отправка этих военнопленных в деревню значительного влияния на актуальную реальность уже не оказала, поскольку после Февральской революции 1917 г. многие вражеские военнослужащие, применив «по отношению к себе объявленную свободу граждан Российского Государства», уже совершенно не хотели работать ни на заводе, ни в поле и, больше того, пользовались сложившейся ситуацией, извлекая из нее свою выгоду⁵⁷⁴.

«Настоящим доношу, что военнопленный Егор Кадор самовольно оставил работу у солдатских семей и ушел работать к Михаилу Кудрявцеву, а солдатским семьям работать совершенно отказался. Как видно, что Михаил Кудрявцев переманил к себе его, пообещал больше плат за день, чем ему приходилось», — жаловался староста села Троицкого старшине Фоминской волости Тюменского уезда в августе 1917 г.⁵⁷⁵

На местах делить пленных по справедливости между нуждавшимися в рабочих руках селянами становилось труднее день ото дня. Указанный выше автор в августе же 1917 г. писал указанному выше адресату: «В чем доношу Фоминскому волостному комитету почему-то вами даден Дмитрию Моисеенку австриец на месяц. Но с моей стороны Моисеенку австриец не принадлежит, потому [что] у него, то есть у Моисеенка, своих работников 6 человек, и который не должен нуждаться в военнопленном, в чем и просим вашего распоряжения отобрать у Моисеенка австрийца и завести такового в очередь для работ солдаток, а потому для наших 10 солдаток назначено вами и выслано только два австрийца, но нам недостаточно для работ, но если у Моисеенка предпишете отобрать австрийца, и тогда будет в Обществе на солдаток всего три, еще недостаток будет. Еще просим Фоминский волостной комитет выслать нам добавочных австрийцев 4 человек, итого будет 7 человек, и тогда мы можем распределить их нуждающимся

---

⁵⁷² ГАИК. Ф. 146. Оп. 1. Д. 94. Л. 622.

⁵⁷³ ГАСО. Ф. 111. Оп. 1. Д. 44. Л. 55, 60, 214, 222, 228 и др.

⁵⁷⁴ Там же. Ф. 72. Оп. 1. Д. 5641. Л. 68.

⁵⁷⁵ Там же. Ф. 351. Оп. 3. Д. 2. Л. 37.

солдаткам хотя по 6 дней и более по очереди, или вышлите по числу каждой солдатки на всю летнюю работу»⁵⁷⁶.

В Ирбитском уезде, где пленные раздавались по дворам из расчета один работник на 3 дес. земли⁵⁷⁷, эта пропорция так и не стала нормой, а некоторые оборотистые дельцы от сохи вообще сдали «своих» военнопленных в «субаренду», а именно на железнодорожные работы, плата за которые оседала в карманах деревенских «кулаков»⁵⁷⁸.

Неразбериха в деле распределения пленных между хозяйствами особенно обижала селянок, оставшихся без мужей и возлагавших на труд пленных особые надежды. Евгения Фомина, крестьянка села Фоминского Тюменского уезда, обращаясь к волостной администрации 21 июня 1917 г., писала: «Покорнейше прошу Фоминский исполнительный комитет определить мне на все время летних работ военнопленного Серафима Анеску, так как его сама привезла из Тюмени, кормила его две зимы, у меня он научился крестьянской работе. На основании этого и прошу назначить мне его одной на летние полевые работы, а не по-денно с другими, потому что дело мое одинокое»⁵⁷⁹. Ее односельчанка, Елизавета Фомина, 1 августа 1917 г. требовала: «30 июля сего года Фоминский сельский комитет, не знаю почему, отобрал от меня военнопленного рабочего Михаила Лескина, человека, к которому я привыкла и который знает все мои поля и может свободно идти и ехать один на работу. и назначили ко мне вновь прибывшего военнопленного Ивана, фамилии которого не знаю, человека совсем мне мало известного, довериться которому по хозяйству я не могу, а потому прошу Фоминский продовольственный комитет распорядиться перевести ко мне ранее жившего у меня военнопленного Лескина для исполнения хозяйственных работ в возможно непродолжительное время, так как я в настоящее время не имею никакого рабочего, которому бы могла вверить хозяйничать по дому»⁵⁸⁰.

Очевидно, что в битве за пленных, развернувшейся в уральской деревне в годы Первой мировой войны, победителей не было. Миссия по спасению сельхозотрасли оказалась для военнопленных непосильной ношей, обернувшись милитаризацией управленческих институтов и практик и обострением противоречий внутри сельского социума. Поэтому не будет преувеличением сказать, что, как и для промышленности, для аграрной отрасли трудоустройство пленных стало, скорее, злом, нежели благом, мало способствуя социальному миру и экономическому процветанию деревни.

---

⁵⁷⁶ Там же. Л. 57.

⁵⁷⁷ Пермская земская неделя. 1916. 17 апр.

⁵⁷⁸ Там же. 24 апр.

⁵⁷⁹ ГАСО. Ф. 351. Оп. 3. Д. 2. Л. 186.

⁵⁸⁰ Там же. Л. 274.